

Константин СОМОВ, Сергей БАШЛЫЧЕВ (фото)

К Дню

...И снится, будто танки

В то, что враг будет разбит, Николай Аверкин поверил веры даже в тяжелейших боях

Аверкин Николай Константинович. Заместитель председателя Алтайского краевого комитета ветеранов войны и военной службы, полковник в отставке. Боевой путь: июль 1942-го – май 1945-го, от командира минометного взвода до заместителя командира по артиллерии. За бои на Дону и Волге награжден орденом Красной Звезды и медалью "За оборону Сталинграда"; Курская дуга – второй орден Красной Звезды; Бухарест – орден Отечественной войны II степени; Будапешт – орден Отечественной войны I степени.

Начало

– 23 сентября 1941 года мне исполнилось 18 лет, 14 октября меня призвали в армию, – рассказывает Николай Константинович. – А уже 7 ноября я в строю курсантов Лепельского (Барнаульского) артиллерийско-минометного училища принял присягу, стал курсантом. Начались, как сказано в уставе, "тяготы и лишения воинской службы", но, в общем, жить было можно.

Кормили нас по военному времени очень хорошо, многие ребята деревенские до того никогда в жизни трехразового горячего питания не видели, да еще чтобы утром и вечером масло давали. Увольнительных за все время учебы не было ни разу, только перед выпуском наиболее отличившимся по ходатайству командира взвода разрешили сфотографироваться на старом базаре в Барнауле и выслать эту фотографию родственникам. Вот и все наши блага.

Большую часть времени отнимали занятия – по 10-12 часов в сутки. В основном изучали материальную часть, огневая подготовка заключалась в "стрельбе" на тренажерах. Пострелять

– Не пожалели потом, что в Томске не остались?

– Нет. Никогда не жалел. Попал я под Тулу, в 214-ю пехотную дивизию командиром минометного взвода. Вновь началась боевая подготовка, хотя опять без боевых стрельб. К тому времени немцы начали наступление на юге, положение сложилось очень тяжелое, и нашу 64-ю резервную армию по "зеленой улице" отправили на Дон. 17 или 18 июля 1942 года приняли мы боевое крещение.

На Дону и Волге

– Чувства растерянности или страха я не испытал. Были только зло да азарт, как в деревенской драке – стенка на стенку. Наше дело было отсечь минометным огнем немецкую пехоту от танков, поскольку без танков она в атаку никогда не ходила. Тут к злу и азарту примешивалось и четкое понимание того, что если фашисты дойдут до окопов, то вместе с нашими пехотинцами погибнем и мы. Чтобы выжить, нужно было сражаться, и потому вели мы огонь пока мин хватало. Хотя тогда за Доном было их у нас совсем не густо...

С собой боеприпасов взяли мы

шими повозками. Потому голод на мины был у нас большой.

– В последние годы во многих статьях и фильмах о войне, и в особенности о тяжелейшем для страны лете и осени 1942-го, фигурируют заградотряды. Вам их приходилось видеть?

– Видел. Но вот как они расстреливают наших отступающих бойцов, видеть не приходилось, поскольку такого просто быть не могло. Судите сами: в июле-октябре 1942-го я был командиром минометной роты в 154-й морской бригаде. В ней насчитывалось четыре тысячи моряков, вооруженных автоматами, гранатами и ножами, людей бесстрашных и отчаянных. В заград-

сторону Дона, тем самым избежав окружения.

– Да, это было именно так. Мы организовано отошли за Дон и заняли оборону, а четыре дивизии соседней 62-й армии генерала Лопатина остались на месте, попали в окружение и почти полностью были уничтожены врагом. Чуйкова за нарушение приказа Сталина едва не отправили в штрафной батальон. Без этого обошлось, но с должности его сняли, поставили заместителем командира, и лишь когда в сентябре в самом городе развернулись тяжелейшие бои, его назначили командующим 62-й, позже 8-й гвардейской армией. Он стал дважды Героем Советского Союза и маршалом.

– Полное господство фашистов в воздухе, танковые атаки, постоянное отступление – чувства того, что все, кончилась Россия, не было?

– Ни в коем случае. Хотя и было очень трудно. От Дона до Сталинграда я не видел ни одного нашего "живого" танка. Один раз в воз-

С 1941 года из Алтайского края было отправлено на фронт 13 дивизий, 2 бригады, 4 полка, 48 маршевых батальонов и 10 рот, всего свыше 500 тысяч человек.

Находящиеся на территории края военные училища (Лепельское минометно-артиллерийское, Барнаульское и Рубцовское пехотные, в Бийске – Балашовское инженерно-саперное), школы снайперов подготовили и направили на фронт свыше 40 тысяч человек, в том числе 15 тысяч лейтенантов и младших лейтенантов.

духе появились наши истребители И-16 – "ишачки" и были тут же сбиты мессершмиттами". Звенья наших штурмовиков "Илов" шли настолько низко к земле, что, казалось, ветки деревьев задедут. Быстро выпускали по передней линии немецких окопов реактивные снаряды и тут же разлетались в разные стороны, а за нами, как собаки, гонялись мессеры. Тяжко все это было и видеть, и переносить, но вот чувства безысходности, уныния все же не было.

В октябре моряков отвели на переформирование, а нас, минометчиков, передали в 93-ю стрелковую бригаду, которая занимала оборону на южной окраине Сталинграда. В город мы вошли в конце декабря, когда немцы уже сидели в окружении. 26 декабря вышли к реке Царица, разрезающей Сталинград на две части. Там у немцев очень активно действовали снайперы, голову надо было низко держать. Оборонялись они сильно, укрепили в домах меш-

ками с песком все подвалы, оставив только амбразуры для пулеметов. В последние дни разгрома их группировки мы в дополнение к минометам получили огнеметы и с их помощью выкуривали фашистов из их укрытий. Били и наши снайперы.

Затем мы получили команду оставить минометы и в ночь с 30 на 31 января 1942 г. приняли участие в штурме сталинградского универмага, где находился фельдмаршал Паулюс. 31 января на рассвете со всех сторон, из подвалов стали вылезать грязные, голодные, обмороженные немцы с белыми тряпками в руках и словами "Гитлер капут".

– В своей книге "В окопах Сталинграда" Виктор Некрасов написал, что, когда немцы "капутировали", у него и многих других было ощущение, что не просто эта битва – война кончилась.

– И у нас было такое же чувство. На пленных смотрели без всякого зла, с жалостью, как на полностью побежденных.

Хотелось петь, плясать, радость была просто огромной. До 4 февраля мы отдыхали, мылись, брились, а потом занялись очисткой города и делали это целый месяц, до 6 марта. Впереди шли саперы, а за ними наша рота и другие подразделения.

Трупами убитых, замерзших, умерших от голода немцев были забиты все траншеи и подвалы, попадались и наши, но там их было немного. Извлекали трупы, порой разорванные на части минами и снарядами, пленные немцы грузили их на сани и на тракторах, лошадях и даже верблюдах вывозили за город.

Затем нас погрузили в эшелоны и повезли на Курскую дугу под Белгород. Наверное, каждый тогда подумал: удастся ли еще побывать в Сталинграде, позволит ли судьба? Мне это удалось сделать через тридцать лет после окончания битвы на Волге, в 1973-м.

На встречах школьников мне часто задают вопрос: когда я поверил в нашу победу? И я отвечаю, что поверил в то, что мы победим, в первый день войны. Если бы было по-другому, я бы, наверное, попробовал убежать от войны, дезертировать. Когда немцы нам кричали в громкоговоритель: "Рус, Иван, завтра Воль-

Сталинград. Начало 43-го.

по-настоящему нам дали только перед выпуском в конце апреля 1942-го. Каждый выпустил по цели по одной боевой мине, а из пушки и вовсе ни разу не выстрелили. Одели нас во все новое, я получил лейтенантские кубики в петлицы и назначение на должность командира взвода в Томское артиллерийское училище. Пошел к командиру дивизиона и попросился на фронт. Он говорит: "Пожалуйста. В такой просьбе мы никому не отказываем". И поехали мы на войну.

немного, а подвозить их в достатке не давала немецкая авиация. Она настолько господствовала в воздухе, что их истребители гонялись даже за отдельными на-

1 января нынешнего года в Алтайском крае проживало 162 ветерана войны, награжденных медалью "За оборону Сталинграда". Всего в крае на сегодняшний день насчитывается одиннадцать тысяч бывших фронтовиков.

Эти бригады и полки шли на острие прорыва либо прикрывали отход других частей, и доставалось им, конечно, больше других. Немец ведь не ехал там как на параде, как некоторые потом стали изображать. Для того чтобы пройти сотню километров от Дона до Сталинграда, врагу потребовалось два с лишним месяца при его полном превосходстве в танках и авиации...

– Приходилось читать, что в те дни командующий вашей 64-й армией Василий Чуйков буквально спас ее, когда вопреки приказу Сталина N 227 "Ни шагу назад" отвел на другую

сторону Дона, тем самым избежав окружения.

– Да, это было именно так. Мы организовано отошли за Дон и заняли оборону, а четыре дивизии соседней 62-й армии генерала Лопатина остались на месте, попали в окружение и почти полностью были уничтожены врагом. Чуйкова за нарушение приказа Сталина едва не отправили в штрафной батальон. Без этого обошлось, но с должности его сняли, поставили заместителем командира, и лишь когда в сентябре в самом городе развернулись тяжелейшие бои, его назначили командующим 62-й, позже 8-й гвардейской армией. Он стал дважды Героем Советского Союза и маршалом.

– Полное господство фашистов в воздухе, танковые атаки, постоянное отступление – чувства того, что все, кончилась Россия, не было?

– Ни в коем случае. Хотя и было очень трудно. От Дона до Сталинграда я не видел ни одного нашего "живого" танка. Один раз в воз-

Бой в Сталинграде.

На меня идут

22 июня 1941 года и не утратил этой на Дону и Волге

га буль-буль. Переходите к нам", ни на кого это не действовало. В моей роте все ребята были комсомольцами, сам я в окопах Сталинграда вступил в партию. Мы знали, что коммунистов и комсомольцев немцы в плен не берут, и все же вступали в их ряды. Разве это возможно было бы без веры в наше дело, в нашу победу?!

Уже на Курской дуге и после обстановка была совершенно иная, чем в Сталинграде. Наша пехота без танков в атаку не шла, и авиационная поддержка была очень мощной. С какой радостью смотрели мы, как идут на немецкие позиции десятки бомбардировщиков, а над ними вьются, как голубки, прикрывающие их истребители. Другое было дело совсем. Наша брала.

Личное

– Когда мы стояли в обороне под Белгородом, я получил медаль "За оборону Сталинграда", орден Красной Звезды и звание старшего лейтенанта. Май, июнь прошли без боев.

– Письма, наверное, писали во время затишья девушкам, у вас-то было кому писать?

– Когда я работал до войны учителем в Восточном Казахстане, у меня там была девушка, тоже учительница. Мы с ней переписывались, и как раз в 43-м, когда мы под Белгородом стояли, она написала мне: "Николай, впереди еще, похоже, долгая война, и неизвестно, вернешься ли ты с нее. У нас тут пришел парень по ранению, предлагает выйти за него замуж". Написал ей в ответ, что тебе виднее, как поступить, я гарантии остаться живым дать, конечно, не

брата и я были на фронте, один из братьев погиб, мама одна осталась с шестью детьми – старшей Марии было 15 лет, а младшему Алексею годик, он в 1940-м родился.

Курская битва

– В воспоминаниях фронтовиков, воевавших на Курской

отходить на новые позиции, и только размещались, порой вовсе не успевая вздремнуть, как в небе появлялась "рама" – самолет-разведчик, а следом начиналась бомбежка.

20 июля попал я в госпиталь, а уже в середине августа приехал

Минометчики.

дуге, можно прочесть о том, что, когда после довольно длительного затишья немцы начали наступление, было чувство, будто вновь война началась, и все теперь решается именно здесь.

– Нам, конечно, было чем заняться, но все равно немного расслабились, и жить нам мешали только насекомые. Для борьбы с ними мы сделали из бочки прожарочную камеру, и так ее по неопытности раскалили в землянке, что сгорело все наше обмундирование, включая шинели. Остались мы в одном нижнем белье, хорошо хоть июнь месяц был. Сутки ходили без формы, а на второй день привез старшина новые гимнастерки, брюки, кому кирзовые сапоги, кому ботинки с обмотками, стали мы опять настоящими солдатами.

5 июля начались тяжелые бои, а уже 15-го меня ранило. Я вместе со связистом и разведчиком находился в передней траншее, корректировал огонь. Немецкие танки вышли на наши позиции, стали утюжить окопы. Солдаты выскочили из окопов, их тут же расстреливали из танковых пулеметов и автоматчиков. Вдоль траншеи по направлению к нам шел немецкий огнемётный танк, и все живое горело. До соседней траншеи метров 50. Разведчик говорит: "Комбат, беги". Я отвечаю: "Давай ты". Он выскочил, пробежал немного, его из пулемета срезали. Связист говорит: "Комбат, беги. Если ранят, я тебя подхватю, а если я перебегу первый, то уже возвращаться не буду". Честно сказал. Я выскочил, пробежал немного, и тут немецкий автоматчик выпустил по мне очередь. Пули прошли вприценку, и одна пробилась мне правую руку. Я упал и перекатился все же в траншею. Выглянул из нее, а там, где мой связист остался, уже горит все.

И несмотря на весь этот ужас, первая мысль, которая появилась у меня после ранения: "Ну, теперь высплюсь". Ведь до этого десять дней спать нам почти не приходилось. Немец нас все-таки потеснил, хоть и не сильно. Потому ночью нам приходилось

в него заместитель командира 375-й стрелковой дивизии. Спрашивает меня: "Какую должность занимали до ранения?" – "Командир минометной батареи". Он врач: "Выписать его". Врач отвечает: "Так у него рана еще не зажила". – "Ничего. Ему в атаку не ходить, а батареей командовать с наблюдательного пункта сможет". Таким образом набрал он 15 человек – и на передовую, в 1245-й стрелковый полк. В этом полку я прослужил до июня 1945 года, стал капитаном, заместителем командира по артиллерии, дошел без малого до Праги. Позже служил в Вене и только через два года после Победы вернулся домой.

Незабываемое

– В последние годы о войне реже, наверное, вспоминаете, не снится больше?

– Бывает и снится. Вот когда случается в госпитале лежать и ночью храпит кто-нибудь рядом, всегда снится, что или танки на меня идут, или самолеты бомбят. Или трамвай поздно вечером гремит под окном, а надо мной самолеты летят, бомбы, как капли черные, падают... Я на фронте бомбежку хуже всего переносил. Когда стреляют, проще, так как свой снаряд или пулю ты никогда не услышишь, звук идет сза-

Курсант Аверкин. Фотография за образцовую учебу.

могу.

Позже, уже в 1944-м под Яссами, я получил письмо от учителей из своей деревни Барановки под Змеиногорском, что, мол, к нам в школу прибыла молодая учительница из Рубцовского педучилища, если желаешь, пиши ей. Я написал, она мне ответила. Стали переписываться. В 1948 году мы с Шурой поженились и прожили вместе 51 год до ее кончины...

– А аттестат офицерский кому отсылали?

– Сразу же после выпуска, получив звание лейтенанта, я стал высылать свой аттестат матери, и пока из армии не демобилизовался, дома получали эти деньги. Когда вернулся, она мне сказала: "Николай, не знаю, как бы мы жили без твоей помощи". Дело в том, что у нас в семье было 10 человек. Отец, два моих старших

Я убежден и думаю, что в этом должны быть убеждены все народы мира: все мы в большом долгу перед советским народом, если выразить это одним словом – "за Сталинград".

Рокуэлл КЕНТ,
американский художник.

ди, и если прожужжало – свистнуло, значит, не твое. А с бомбами хуже, там никогда не угадаешь – куда бежать, где прятаться. И хоть ты на ровном месте, хоть в траншее или блиндаже, чувство одинаково поганое. Вот смотришь, случилось, как они заходят, начинают пикировать, как от "лапотника", будто капельки, отделяются бомбы, визжат, становятся все больше и больше, обхватываешь голову руками и лежишь, ждешь. Такое, хоть сколько лет проживи, не забудешь...